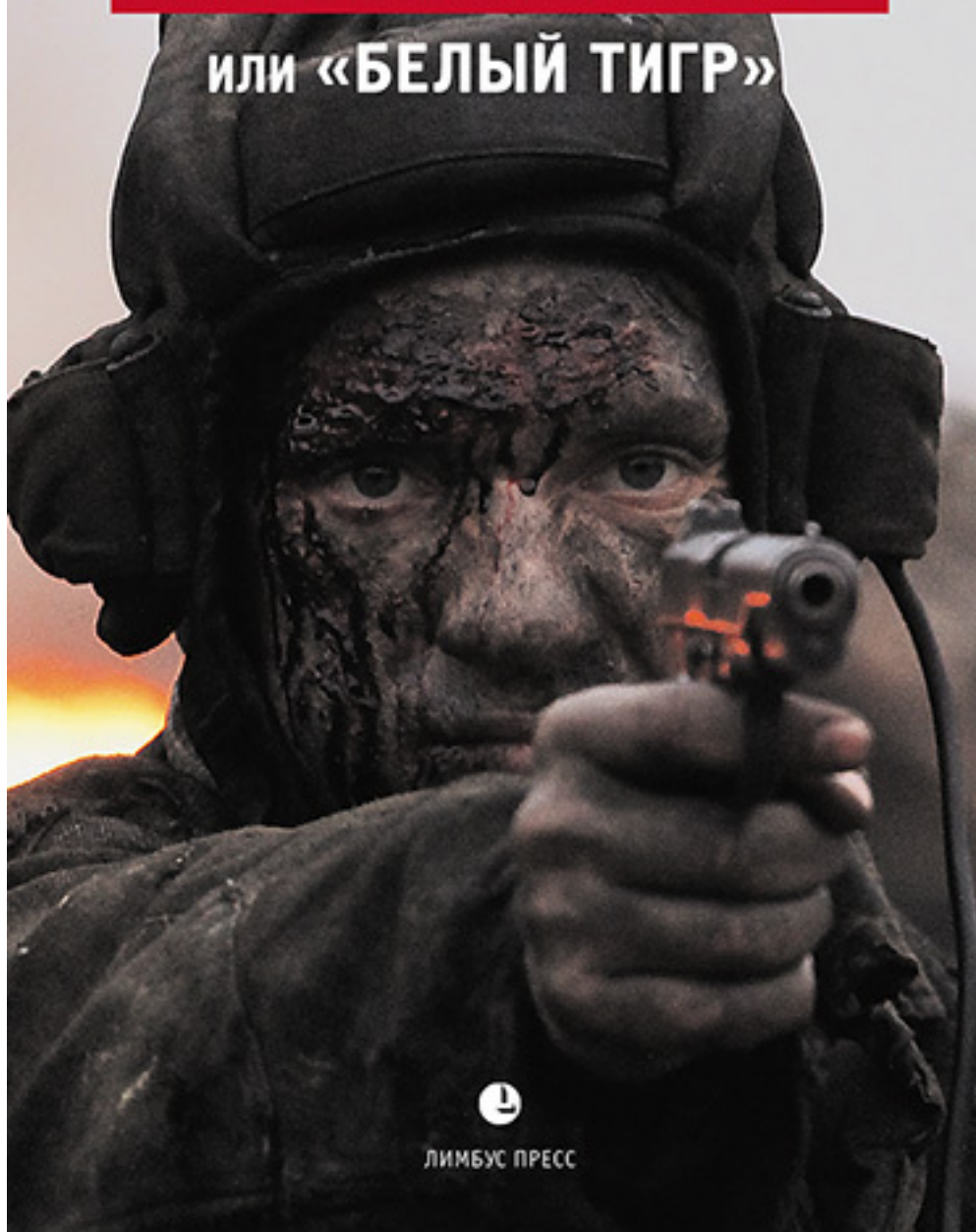

ИЛЬЯ БОЯШОВ

ТАНКИСТ

или «БЕЛЫЙ ТИГР»

ЛИМБУС ПРЕСС

Илья Бояшов

Танкист, или «Белый тигр»

«Издательство К.Тублина»

2008

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Бояшов И. В.

Танкист, или «Белый тигр» / И. В. Бояшов — «Издательство
К.Тублина», 2008

ISBN 978-5-8370-0728-6

Вторая мировая война. Потери в танковых дивизиях с обеих сторон исчисляются тысячами подбитых машин и десятками тысяч погибших солдат. Однако у «Белого тигра», немецкого танка, порожденного самим адом, и Ваньки Смерти, чудом выжившего русского танкиста с уникальным даром, своя битва, свой поединок. В 2012 году Карен Шахназаров снял по мотивам этого романа фильм «Белый тигр», получивший премию Национальной академии кинематографических искусств «Белый орел» в четырех номинациях.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0728-6

© Бояшов И. В., 2008
© Издательство К.Тублина, 2008

Содержание

Илья Бояшов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Илья Бояшов

Танкист, или «Белый тигр»

роман

Не будешь ли так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Через семь дней после Прохоровского побоища¹ ремонтники подцепили трос к очередной растерзанной «тридцатьчетверке». Люк механика отвалился – все заорали «Стой!» задымившему трактору. И столпились возле машины. Причина оказалась обыденной – в рычаги убитого танка вцепилось почерневшее *нечто*: комбинезон превратился в коросту, подошвы сапог расплавились. Правда, остались на черепе кое-какие мышцы, не вся кожа слезла, на глазах слиплись веки: но «спецы» не питали иллюзий: таков был конец еще одного страдальца, не сумевшего выкарабкаться из машины. Однако, никто не успел стащить пилотку – головешка открыла глаза.

¹ Отношение историков к знаменитому столкновению весьма неоднозначно. Долгое время господствовала общеизвестная точка зрения, согласно которой 12 июля 1943 года в районе железнодорожной станции Прохоровка произошло грандиозное встречное танковое сражение, изменившее ход Курской битвы. Носителем этого взгляда явился никто иной, как непосредственный участник событий, командующий Пятой танковой армией П. Ротмистров. По его словам обстановка сложилась так, что: противники начали наступление друг на друга одновременно. Боевые порядки Пятой танковой, в которой преобладали «основные лошадки» советских танковых войск «Т-34-76», на полном ходу врезались в клин моторизованных дивизий СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», насчитывающих до 500 танков и штурмовых орудий. В грандиозной свалке с обеих сторон приняло участие около 1200 боевых машин различных типов. Поле боя осталось за нами – эсэсовцы были обескровлены, разбиты и начали отход. Представители другой точки зрения уверены – никакого «встречного» боя не было и в помине: немцы заранее перешли к обороне и встретили атакующие «тридцатьчетверки» Ротмистрова массированным огнем «тигров», «пантер», штурмовых орудий и противотанковой артиллерии, в результате чего Пятая танковая понесла неоправданно большие потери. Выполнить поставленную задачу ее командующий не сумел, не смотря на то, что, действуя в полосе до 20 километров, смог добиться плотности атакующих боевых порядков до 45 танков на 1 кв. километр. В результате несомненного преимущества немецкой противотанковой артиллерии и танковых пушек (напомним, броня «тридцатьчетверок» гарантированно пробивалась на дистанциях до 1,5 километров, а снаряды 76-мм орудий «Т-34» взламывали защиту того же «тигра» на расстоянии не более 500 метров, да и то не всегда) потери составили около 330 танков и САУ (без учета группы генерала Труфанова). Германские потери были меньше – до 220 танков (впрочем, чехарда с подсчетами творится до сих пор: каждая сторона в то время преуменьшала свои и многократно увеличивала чужие, поэтому верить отчетам и сводкам, которые сохранились в архивах, на сто процентов нельзя однозначно). Некоторые современные исследователи обвиняют Ротмистрова в осознанной неправде – боясь гнева «дядюшки Джо», генерал просто-напросто исказил реальное положение дел (Сталин не простил бы ему практического уничтожения Пятой армии), а, ко всему прочему, обрушился и на конструкторов, обвиняя их в создании неэффективных образцов техники, которые по двум самым главным параметрам (броня и артиллерия) уступали немецкой. При этом критики ссылаются и на данные противника. Судя по сводкам, мемуарам и исследованиям, ни немецкие очевидцы, ни немецкие историки попросту «не заметили» встречного сражения – в их источниках речь идет только о тяжелых боях на Прохоровском и Обояньском направлениях и многочисленных попытках русских контратаковать. Истина, как всегда, посередине: сражение на южном выступе Дуги действительно было грандиозным, длилось не один день и заняло огромную территорию. В ряде случаев боевые порядки перемешивались, танки вели огонь с самых коротких дистанций, на которых преимущества «пантер» и «тигров» терялись. Были случаи таранов. Во многих советских источниках времен войны несколько преувеличено количество новых немецких машин. В операции «Цитадель» приняли участие 144 «тигра» – влияния на ход событий они оказать не могли. С применением «пантер» вообще произошел конфуз: машины прибыли на фронт настолько несовершенными, что большинство просто-напросто сломалось – чего только стоит самовозгорание двигателей! «Непробиваемые» САУ «Фердинанд» Модель использовал совершенно бездарно (для аккуратных, вдумчивых немцев такое вообще-то нехарактерно), попросту послал их в качестве броневых таранов на советские минные поля. Те немногие суперсамоходки, которым удалось не подорваться на фугасах и выйти к нашим позициям, были уничтожены пехотой (пара гранат в моторное отделение), так как не имели ни прикрытия (гренадеров отсекали на дальних подступах), ни пулеметов, чтобы отбиться (как выразился Гудериан, «стреляли из пушек по воробьям»). И вообще, в борьбе с «тридцатьчетверками» основную роль играли противотанковые пушки и пресловутые «мардеры» и «артштурмы». Скорбный факт: под Прохоровкой устаревшим «Т-34-76» досталось по полной; потери измерялись сотнями сожженных и разбитых машин (*здесь и далее примечания автора*).

Нет, тыловики не заматались в поисках санитаров (откуда здесь санитары) не побежали к начальству. То, что водитель, пробыв неделю в сгоревшей «коробке», еще каким-то образом *существовал*, не меняло дела: его следовало оставить в покое. Несчастный был вытащен – хорошо, что при этом он еще не развалился на части! Не раздалось ни единого стога – верный признак, что он вот-вот отдаст Богу душу. Подали флягу с мутной водой – и вновь ни одной конвульсии. Находку отнесли под навес, где хранились инструменты и опустили на доски. Один из самых молоденьких солдатиков метнулся к ближайшим ямам – просить похоронную команду немного повременить.

Вечером, через десять часов после того, как танкисту дали возможность *уйти*, те же ремонтники с трудом уговорили шофера проезжавшей полуторки забрать все еще *отходящего*. Машина была набита пустыми бидонами, матрасами и простынями, и шофер ни в какую не хотел загружать в нее еще и заведомого мертвеца. Однако, надавили – сплюнув, сержант согласился. На куске брезента танкиста впихнули в кузов. Полуторку мотало и бросало по полустепенному бездорожью – шоферюга, опаздывая в часть к ужину, даже не оглядывался, ибо то черное, обугленное, с потрескавшейся кожей, что ему навязали, не имело никаких шансов дотянуть до самой ближней деревни.

В грязном полевом госпитале, где беспрестанно доставляемые с передовой раненые корчились прямо на разбросанной по земле соломе, прежде чем их рассортируют – счастливых в хирургическую палатку, безнадежных в ставший бурным от крови, унылый лесок – участь танкиста решилась мгновенно. Майору-хирургу хватило секунды:

– Этого даже осматривать не буду – девяностопроцентный ожог!

Фельдшер услужливо протянул врачу новую папиросу – и безымянного тут же вычеркнули из списка. Майор тянул лямку с 41 года – он знал, о чем говорил.

Через сутки, убирая в леске отмучившихся и относя их к траншеям (сколько по всей округе уже было подобных могил), санитары, подняв очередные носилки, вынуждены были остановиться – глаза сгоревшего распахнулись, он издал хватающее за душу первое за все это время стенание.

– Быть такого не может! – удивился майор, подогревающий себя (чтобы не упасть на ходу) трофейным коньяком-эрзацем. Дыша клопами, практик наклонился над принесенными носилками – и вынужден был констатировать – приговоренный *жил*. Только привычка позволила майору внимательно осмотреть этот череп с оскалившимися зубами – и тело с прилипшими к нему остатками комбинезона. Только опыт не позволил при этом задохнуться. Санитары, так же выдавшие виды, в очередной раз возблагодарили судьбу за то, что они не воюют в проклятых железных гробах – а, следовательно, вполне может и случиться, дотянут и до конца бойни.

Тут же, в буром леске был созван консилиум – сам майор и две его помощницы, женщины-военврачи неопределенного возраста, в глазах которых просто остекленела собачья усталость. От верных помощниц за километр несло табаком и потом, не смотря на то, что они постоянно протирались спиртовым раствором.

Носилки переместились в хирургическую палатку. Все, что можно, с танкиста сняли. Все, что можно сделать – сделали. Облегчая страдания, операционные сестры не жалели мази Вишневского. Но даже они, накладывая повязки, постоянно отворачивались – смотреть на *такое* было попросту невозможно. Сохранившиеся глаза пациента при этом *жили* и свидетельствовали о запредельной боли.

Перед эвакуацией раненых в тыл, хирург отвлекся на минуту от своей мясной разделочной и подошел к танкисту, туловище и остатки лица которого уже покрывала пропитанная мазью марля.

Вновь раздались стон и какое-то горловое бульканье.

– Такого я еще не видывал. – признался врач, продувая очередную папиросу.

– Дня два-три, не больше. – проскрипела, так же из любопытства оказавшись рядом одна из женщин-медиков – и, отворачиваясь от коллеги, чтобы не дышать на него гнилыми зубами, тоже продула папиросу, вынося приговор. – Полный сепсис...

Танкист был погружен в санитарный автобус, затем в поезд, затем сорок дней и ночей, без всяких документов под наименованием «неизвестный» отвалился в ожоговом отделении серого, пропахшего испражнениями и все тем же тлением, уральского госпиталя. Закутанный марлей и бинтами, пропахнувший мазями он лежал в реанимационной, затем был отнесен в мертвецкую, затем, под удивленные возгласы гиппократовых служителей, возвращен обратно – прошла первая неделя, а он все еще *жил*. Этот феномен больше не трогали и никуда не переносили. Каждое утро, к танкисту приближались с надеждой, что он уже не *дышит*, но каждый раз живой мертвец встречал обход едва слышными стонами и бульканьем. И ему меняли бинты и марлю, и вытирали его тампонами, и вливали ему бульон. Койка его стояла в самом темном углу палаты. Так как крест на безнадежном был поставлен после первого же осмотра, между врачами с тех пор заключались пари – сколько дней еще протянет несомненный уникум. Прошло две недели. Вокруг рано или поздно «убирались» гораздо менее обожженные соседи. Отошедших в мир иной раздевали догола (белье отдавали в прачечную), и уносили иногда по десятку в день, приготовляя их место для других обреченных. Но ту, ставшую уже всем известной койку в углу так и не тронули – феномен продолжал существовать посреди вакханалии Смерти.

Танкиста прозвали Танатосом. Он стал по своему знаменит. Приезжали откуда-то профессора в генеральских погонах, и всякий раз приходили к мнению, что имеют дело с единственной в своем роде патологией. В палату взялись заглядывать выздоравливающие – кем-то (в подобных местах всегда находится этот «кто-то») был пущен слух; неизвестный приносит удачу – счастливчик, который дотронется до него, уже никогда не сгорит. Пари сами собой отпали, когда на третью неделю стало ясно; сепсис у пациента совершенно непонятным образом сошел на нет. После очередного совещания бинты и повязки решили снять; взорам спецов представилось зрелище удивительное – кожа Танатоса хоть и нарастала безобразными струпами, но все же восстановилась. Правда, врачи и сестры старались лишний раз не смотреть в его сторону. Фиолетового цвета рубцы напоздали один на другой, на месте рта огонь оставил черную щель, ноздри превратились в дырки. Ни бровей, ни век, ни волос. Глаза были в кровавых жилках. Тем не менее, танкист на этот раз осмысленно разглядывал столпившихся над ним академиков. Начальник госпиталя – а полковник не мог не присутствовать при первом случае подобного выздоровления – постарался выпытать у пациента то, что и должен был знать: «Фамилия, имя, отчество? Номер части?». Танатос услышал обращенный к нему вопрос. Он силился приподнять голову. Он безнадежно пытался что-то вспомнить.

С тех пор выздоровление невероятно ускорилося. Пациента перевели в общую палату, он по-прежнему пользовался популярностью; из других госпиталей повалили целые делегации. Через месяц Танатос уже вставал с койки. Несколько визитов к госпитальному начальству – один раз в отделе кадров присутствовал и «особист» – ничего не дали; у неизвестного начисто отрезало память. Он понимал речь – поднимался, когда просили, мыл полы, помогая медсестрам, разносил судки с едой. Он уже отвечал односложно «да» и «нет» соседям. Однажды, он даже чему-то рассмеялся. Не раз замечали, что он в последнее время все чаще и чаще беззвучно шевелит остатками губ. К его облику как-то попривыкли, и старожилы уже не отшатывались, когда он появлялся в коридоре – худой, в линялой пижаме, пришаркивающий нелепыми тапками, больше похожими на лапти, фиолетово-безобразный, обгоревший настолько, насколько

только может обгореть человек. В той самой выздоравливающей палате, где играли в карты, где чаще раздавался смех, чем стоны, где большинство составляла жизнерадостная молодежь, вскоре стали звать его Иван Ивановичем.

– Иван Иванович! – окликали. – Пора ужин носить...

Он вскакивал и шел.

Стояла уже глубокая осень.

– Иван Иванович! Подсоби разгрузить дрова...

Он накидывал ватник и выходил в закиданный листьями двор, туда, где уже ждал грузовик с дровами.

По прежнему единственное, что знали о нем – то, что он в бессознательном виде прибыл с Курской дуги. Скучные сведения были доставлены по самой ненадежной цепочке: ремонтники – шофер полуторки – полевой эвакогоспиталь. Майор-хирург за неимением других данных, в сопроводительных документах торопливо чиркнул: „известный танкист“.

Зимой Иван Иванович окончательно поправился. Правда, он так и не смог о себе ничего рассказать и пока еще с трудом произносил простые слова. Однако, совершенно осознанно выполнял любые команды, а, кроме того, охотно откликался на свое новое имя. Наконец, его осмотрели и признали годным. К родным местам отправляли уже совершенно очевидных калек – остальных, контуженных, обожженных, пусть даже потерявших память гнали на переформирование. За „счастливыми“ постоянно приезжали купцы из различных частей. Те, кому особо везло, попадали в полки гвардейских реактивных минометов; считалось, среди „катушников“ самый малый процент потерь. Котировались „трофейщики“ и обслуга аэродромов. У пехотинцев и артиллеристов были немалые шансы отсидеться в обозе. Но будущее Ивана Ивановича представлялось совершенно безнадежным – потери в железных стадах были такими, что вышел приказ Самого – всех выживших отправлять обратно в механизированные корпуса. Не оказалось бы этой, выписанной майором сопроводилки с надписью-приговором, Ивана Ивановича могли легко бы записать в обозники. Но здесь решили не рисковать. Комиссия по печальному опыту знала – тех, кто разбазаривает ценные кадры, снабжая ими тыловые части, ждет самое строгое разбирательство. В госпитале долго не гадали и с документами – страшному человеку выдали новую книжку, где записали черным по белому – Иван Иванович Найденов. С национальностью тоже не мучились – акцента нет, значит, русский. Место рождения – адрес госпиталя. Партийная принадлежность – беспартийный (Что толку, если раньше и был коммунистом). Специальность – танкист. (Там потом разберутся, куда его). Запнулись только с возрастом. Как не пытались хотя бы на вскидку определить годы – (Иван Иванович в уже выданной линялой форме с чужого плеча, выношенной до белизны, все это время навтыжку стоял перед сочинителями своей новой жизни) – но, ввиду полной обгорелости, не смогли и, махнув рукой, записали ровесником века.

Все незанятые врачи и сестры вышли Найденова проводить – случай был уникальным и медицинской наукой необъяснимым. Тот, кто неделю провел в искореженном танке, у кого был девяностопроцентный ожог и никаких шансов на выживание, теперь, словно с того света, в снятых с очередного усопшего сапогах, в длиннополой, не по росту, простреленной во многих местах шинели, в солдатской шапке, завязанной тесемками под подбородком по случаю мороза, спускался с крыльца. К спине танкиста прилип тощий „сидор“, а в нем кусок мыла, хлебный кирпич и банка американской тушенки – щедрый подарок от эскулапов. В нагрудном гимнастерочном кармане была новая солдатская книжка, объяснявшая, кто он теперь такой.

Грузовик увез его.

Появление Ивана Ивановича произвело неизгладимое впечатление на вновь формируемую под Челябинском бригаду. Когда личный состав построили, ее командир, сам весь в ожогах

и шрамах, тридцатилетний ветеран, которого за постоянную присказку прозвали Козьей Ножкой, не мог не буркнуть:

– Да на его морде, козья ножка, живого места нет!

Затем грубиян-комбриг приказал вновь прибывшему выйти из строя:

– Откуда?

Иван Иванович и сам не знал – „откуда“.

Мальчишка ротный, сбиваясь, объяснил подполковнику суть.

– Так кто хоть, козья ножка!? Башнер? Механик? – допытывался комбриг.

– В документах написано – танкист, – с отчаянием вякнул лейтенант.

– Тогда – заряжающим!

И само воплощение этой дикой войны записали в башнеры – там нужна только грубая сила: знай, подноси снаряды и выбрасывай гильзы из люка. „Осколочные“ и „бронепробивные“ отличил бы и полный дурак. От рядового Найденова, тут же за глаза прозванного Черепом, больше ничего и не требовалось. Никто в той на скорую руку сколоченной части им особо не интересовался (вот только внешность притягивала внимание). Впрочем, нигде не было такой текучки, как в танковых экипажах: три-четыре недели дурной подготовки и фронт, а там уже после первого боя „тридцатьчетверка“, хорошо еще, что дотла не сгорала. Тех, кто выскакивал, вновь перемешивали – и запускали в дело.

Беспамятный Иван Иванович вместе со всеми послушно хлебал баланду, и околевал от холода в бараках (на голых досках укрывались шинелями). Но, по крайней мере, его судьба на ближайшее время определилась. Экипаж был весьма пестрым: того самого лейтеху-мальчишку назначили командиром, пожилого узбека определили водителем, бывший московский урка, развязный и приבלатненный, сам вызвался быть радистом.

Не прошло и месяца, как вся эта наскоро (и ненадолго) собранная четверка оказалась на Челябинском тракторном, где собиралась одна из последних серий „Т-34-76“.² В цехах при

² «Тридцатьчетверка» – танк исключительный, подробно на его становлении останавливаться не имеет смысла: достаточно отослать читателей к многочисленным публикациям, в которых машина разобрана буквально по винтикам. Отметим: в течение всей войны танк был здорово модернизирован (в основном, сохранив при этом столь характерный для него внешний вид). Конечно же, «Т-34» сорок первого года не идет ни в какое сравнение с тем «Т-34-85», который заканчивал войну. В 41-42-х годах, имея практически непробиваемую для немецких танков и противотанковых пушек броню и орудие, способное «ломать» не только борта, но и лоб достаточно слабеньких Pz T-11, Pz T-111, Pz T-VI, а так же совершенно негодных для боя с русским танком трофейных чешских Pz 35(t) и Pz 38 (t) с расстояния в 1000 метров, «тридцатьчетверка» имела недоработанный двигатель, постоянно выходящий из строя. Зато моторы немецких машин заслуживают самых высоких похвал – не в последнюю очередь, благодаря их выносливости немцы и оказались под Москвой. В конце войны положение изменилось с точностью наоборот – хорошо бронированные немецкие танки («пантеры» и «тигры») испытывали постоянные проблемы с двигателями. Но их снаряды пробивали «тридцатьчетверочку» за полтора, а то и за два километра. Однако новая 85-мм пушка среднего советского танка действовала не хуже хваленной немецкой «8-8», а усовершенствованный двигатель «В-2» позволял ему совершать пятисоткилометровые броски в тыл противника. Что касается артиллерии – в течение всей войны конструкторами делались попытки вооружить «Т-34» наиболее мощным и пригодным для усиленной эксплуатации орудием. До 1944 года танк вооружался 76-мм пушкой. Таким образом, на танкостроительных заводах собирались серии «Т-34-76». Но, начиная с 42-го года, после того, как немцы отошли от шока (первые встречи с «тридцатьчетверкой» настолько потрясли немецких танкистов, что те потребовали от германской промышленности скопировать точно такой же танк) и создали достойные танковые и противотанковые образцы, ее пробивной способности было явно недостаточно не только для «тигров» и «пантер», но и для модернизированных германских «троек» и «четверок». Остановились на 85-мм пушке, способной достойно бороться с «кошками». С зимы 44-го в серию пошел «Т-34-85», который и явился основным нашим танком в конце войны. «Т-34-76» имел массу недостатков: в частности, очень тесную башню, в которой с трудом могли уместиться два члена экипажа (американцы недоумевали, каким образом русские танкисты помещаются там зимой, в полушубках и ватниках). Из-за невозможности разместить в башне еще одного человека, командир вынужденно совмещал со своими прямыми обязанностями еще и функцию наводчика, что негативно сказывалось на эффективности и командования, и стрельбы (у немцев было пять членов экипажа – в танковых башнях действовали командир, наводчик и заряжающий). Кроме того, чрезвычайно плохой обзор из танка не позволял оценивать обстановку и вовремя на нее реагировать. Так, механику-водителю приходилось постоянно держать приоткрытым люк. Стрелок-радист со своего места почти ничего не видел и во время боя часто бил вслепую. Первые рации были из рук вон плохими и стояли только на т. н. «радийных» танках. Неудачным оказалось расположение топливных баков по сторонам боевого отделения: воспламеняясь, они часто не оставляли никаких шансов экипажу. Все эти недостатки исправлялись в ходе войны (правда, топливные баки оставили на прежних местах). Так, экипаж «Т-34-85» с новой башней

виде Найденова редко кто мог сдерживать ахи и вздохи. Подростки и бабы не скрывали испуганного интереса. Иван Иванович, не обращая внимания на любопытных, в отличие от узбека с уткой, которые интересовались лишь допайком заводской столовой, сам вызвался подносить детали. Мальчишка-лейтенант, изо всех сил пытаясь хранить авторитет в отношениях с подчиненными, был благодарен ему хотя бы за это. К нескрываемому раздражению московского вора-радиота и ужасу узбека, танк вырастал на глазах: коробка обзавелась трансмиссией, катками и гусеницами, настал черед двигателю и внутренней непритязательной начинке, затем опустили на место башню.

Пришел ожидаемый всеми с дрожью день: командир получил перочинный нож, часы и компас. Экипажу был выдан огромный кусок брезента. Новорожденную „тридцатьчетверку“ готовились перегнать из цеха на огромный заводской двор, где дожидалась отправки новая партия.

И здесь Иван Иванович проявил себя.

Видно, что-то заискрилось в его голове, закантачило и разорвало тотальное беспамятство. Перед самым прогоном танка по цеху Иван Иванович оказался внутри машины – лейтенант попросил достать какую-то ветошь. Когда Найденова несколько раз позвали, он, словно черт из табакерки, высунулся по пояс из люка механика – вид его возбужден. Экипаж и рабочие вздрогнули. Иван Иванович вновь скрылся. В темноте „коробки“ словно зловеющие фары включились глаза. Никто не успел слова молвить, как танк завелся. Лейтенант с москвичом и жителем Коханда отскочили в одну сторону – наладчики в другую. „Т-34“ рванул с места и помчался по проходу между двух рядов своих одинаковых собратьев к узким воротам. Сошедший с ума Найденов не сбавлял хода – все на его пути успели попрятаться и приготовились к драме. Танк развил всю скорость, на какую был только способен. Выбрасывая за собой облака газов, немилосердно грохоча катками, он неумолимо приближался к настоящей катастрофе. Многие, включая ошалевшего командира-лейтенанта, уже представляли скрежет и треск. Но, не снижая скорости, „тридцатьчетверка“ на полном ходу проскочила Сциллу и Харибду, развернулась, и, проехав еще метров тридцать, лавируя между машинами, встала во дворе, как вкопанная.

Подбежал перепуганный командир. Подбежали узбек с прибалтанным радистом. Высыпали во двор любопытные. Иван Иванович выскочил им навстречу. Он скалился своей ужасной улыбкой. Он дрожал и никак не мог успокоиться. Он *вспомнил* – вернее, вспомнили руки.

Сомнений не оставалось; в прошлой жизни этот обожженный, беспамятный вызывающий видом своим сострадание и жалостливый ужас танкист был механиком и судя по всему, водителем от Бога!

Узбек тут же с радостью перебрался в башню, не смотря на то, что шансы выжить в бою при этом уменьшались наполовину. Смышленный московский вор, теперешний радист, сразу сообразил, с кем нужно водить дружбу – и с тех пор, пока руки Иван Ивановича были заняты, скручивал ему самокрутки, раскуривал их и вставлял в его ужасную черную пасть. Кроме того, на марше он всякий раз услужливо подхватывал и тянул вместе с Черепом рычаг переключателя скоростей, ибо на этом „Т-34-76“ почему-то все еще стояла проклинаемая всеми водителями неудобная четырехскоростная коробка.³

уже был «полноценным» и, как положено, насчитывал пять человек, хотя танкисты иногда отказывались от стрелка-радиота и воевали вчетвером (три башнера плюс механик-водитель).

³ Один из самых больших недостатков первых «Т-34» – слабая и капризная четырехскоростная коробка. Зубцы при переключении часто крошились, отмечались разрывы картера коробки. Для того, чтобы переключить передачу стрелку-радисту приходилось подхватывать рычаг и тянуть его вместе с механиком-водителем – у последнего просто не хватало на это сил. Так что для нового танка требовались водители с очень хорошей выучкой (а таких катастрофически не хватало). Неопытный механик мог вместо первой передачи воткнуть четвертую (она тоже назад), что приводило к поломке. Положение кардинально изменилось только тогда, когда на знаменитом 183 заводе разработали пятискоростную коробку с постоянным зацеплением шестеренок.

Перед погрузкой в эшелон бригада прошла пятьдесят километров и отстрелялась на полигоне. Зима трещала под тридцать градусов, „коробка“ промерзла до звона. Ведомый Черепом танк нещадно ревел на поворотах, забираясь на склоны, задирая пушку, сползал с них, при этом всех нещадно болтало, узбек едва слышно молился, мальчишка-командир, набив достаточно шишек, стиснув зубы, безнадежно пытался следить за дорогой из командирской башенки-гайки. Радист, которому ни черта было не видно, виртуозно матерился, рискуя прикусить язык. И лишь Иван Иванович, издавая звуки, весьма похожие на рев, нещадно направлял „тридцатьчетверку“ по целине и разбитым дорогам. Он все время теперь куда-то рвался, настораживая даже урку, не говоря об узбеке с командиром. Было от чего пугаться – распахнутый рот, нетерпение, дрожь, желание гнать и гнать – таким оказался безобидный ранее Череп. Люк его был распахнут, за его спиной трудился вентилятор – все живое должно было при этом окоченеть, но сумасшедшему механику, единственному из всего измученного экипажа, было жарко. По радиийной связи лейтенант получил приказ остановиться, однако, до Иван Иваныча мальчишка так и не докричался. Колонна замерла – а найденковский танк, вывернув из строя, принялся описывать дугу по полю, чуть ли не утопая в сугробах и выкидывая впереди и позади столбы снежной пыли.

Кончилось тем, что наперерез кинулся сам комбриг. Козья Ножка возник, чуть ли не перед самой „тридцатьчетверкой“, проваливаясь в снег по пояс. Здесь Иван Иваныч наконец-то пришел в себя. Показавшийся из башенного люка юнец-командир готов был расплакаться, однако, начальство не обращало на сбивчивый лепет никакого внимания.

– Водителя – ко мне в машину! – орал молодой подполковник. – Давай сюда, скелет! – приказал Найдену. – Покажи, козья ножка, на что способен!

Так, Иван Иваныч занял место в командирском танке – а лейтенанту, узбеку и урке достался водитель комбрига, такой, как и они, неопытный обреченный юнец. И на глазах всей бригады Иван Иваныч *показал* – „тридцатьчетверка“ только что юлой не вертелась. Высыпавшие из машин экипажи открыли рты.

Комбриг от возбуждения ревел не хуже Иван Иваныча. Он привычно поставил ноги на плечи сумасшедшего аса – удар сапогом – краткая остановка, еще удар – продолжение движения. Иван Иваныч *это помнил*. Он забыл все остальное, но *это* он помнил. К восхищению новичков, на поросшем кустарником, с оврагами и пригорками, поле, командирская машина выкидывала настоящий цирк.

– Давай, давай, черт лысый! – хрипел Козья Ножка, уже не сомневаясь, что этот механик никуда теперь от него не денется, что страшный Череп будет с ним до самого конца, и он ни за что, ни за какие коврижки никому такого механика уже не отдаст, ибо в недалеком будущем единственный шанс на спасение – водила, всегда знающий, *как* и куда поворачивать, *как* сманеврировать, *как* газануть, а, значит, вовремя выскочить; ведь в бою, а тем более, в танковом, ничего не значащая жизнь человеческая исчезает за долю секунды.

– Как же ты попался тогда на Дуге? – проорал он механику после того, как „тридцатьчетверка“ остановилась. Иван Иваныч, уставившись на своего нового командира, не понимая вопроса, напрягся.

– Как сам умудрился сгореть, козья твоя ножка? – продолжал выпытывать комбриг. – Борт не успел подставить?

И здесь Иван Иваныч вновь вспомнил, Что-то на секунду высветило его сумрачное прошлое.

– „Тигр“ – ответил внезапно Череп. – „Белый Тигр“!

Глаза его вспыхнули, он затрясся от ненависти.

К зиме 42-го немцы выкатили на передовую свой ответ на всемогущество „тридцатьчетверок“;⁴ квадратные бронтозавры фирмы „Хеншель“ были непробиваемы, но особый трепет вызвали пушки, от которых за километр сгорали даже „КВ“. Снабженные несравненной цейсовской оптикой, „восемь-восемь“ сметали любую цель. Для плавного хода „тигров“ и приемлемого давления на грунт дотошные немецкие механики расположили катки двумя рядами. Для легкости управления применили штурвалы. В массивных, как крышки саркофагов, плитах застревали 76-мм снаряды. Обвешанные со всех сторон броней, эти жуки неторопливо ползли по курским полям и каждый их выстрел, раздававшийся резко и гулко (звук ни с чем нельзя было спутать), посылал к праотцам очередную „тридцатьчетверку“. Страшны они были в засаде. Закиданные сеном и ветками, циклопы останавливали атаки „Т-34“, „Грантов“ и „Черчиллей“, а когда одуревшие от боли и дыма танкисты выкидывались из коробок, все те же добротные немецкие пулеметы со скоростью тысяча двести выстрелов в минуту довершали начатое,⁵ нарезая плоть так, как ножом кромсают винегрет. Но даже среди своих собратьев Призрак являлся особой машиной. Впервые он дал знать о себе подо Мгой; остальные тяжело-весы вязли в болотах, но «Белый Тигр» словно по воздуху переносился – и расстреливал целые батальоны. Поначалу он не был распознан – зимою все танки белы – разве только те, кто с ним сталкивался, неизменно горели после первого выстрела. Но весной, когда вермахт перешел на камуфляж, монстр окончательно выделился, и с тех пор свирепствовал то на Севере, то на Юге; повсюду за ним тянулся дым и смрад сгоревших машин. Призрак бил из засады, всякий раз, каким-то образом, оказываясь в русском тылу – и, наколовив десять, а то и пятнадцать «Т-34», растворялся.

Летом 43-го белый убийца обнаружил себя под Курском в районе знаковой Прохоровки. Аэроразведка предупредила о нем Катукова и Ротмистрова.⁶ Тотчас были высланы штурмо-

⁴ «Тигр» оказался самым тяжелым в мире, самым вооруженным, и до 1944 года, практически неуязвимым немецким танком, который попортил нам много крови. Достаточно сказать о его весе – почти 60 тонн. Для того, чтобы гигант не проваливался от собственной тяжести, катки на нем расположили в шахматном порядке. Pz T-VI – первый танк, который вместо рычагов имел штурвал – машиной можно было легко управлять. Лобовая броня составляла 100 миллиметров и была для наших танкистов практически неуязвима. С бортами тоже приходилось повозиться – нужно было подойти на расстояние не более 500 метров (а в реальности боя и того ближе), однако Pz T-VI редко кого подпускал к себе. Его 88-мм танковое орудие – пожалуй, самое грозное и лучшее из всех на то время существующих. Что касается знаменитой своим качеством оптики, а так же традиционной, **очень хорошей выучки** экипажа (здесь мы долгое время просто безнадежно отставали), остается только констатировать прискорбный факт – бороться с подобным зверем нашим ребятам было чрезвычайно тяжело. Танкисты в буквальном смысле чувствовали себя голыми, когда сталкивались с этими проклятыми машинами. Так, в 43-м году из своей 76-мм пушки они могли поразить «Тигр» с близкого расстояния (все те же 500-300 метров) и то, лишь новым подкалиберным снарядом (а их выдавали под расписку по три штуки на боекомплект). Сложность состояла в том, что даже при всех благоприятных обстоятельствах поражались не все, а определенные места. Нужно было изловчиться и вцепиться «подкалиберный» в борт между опорными катками (за ним размещалась боеукладка «Тигра»), или под основание башни (тогда ее клинило), или по стволу пушки, или по задней части (там располагались бензобаки). Или, на худой конец, били по колесу-ленивцу, по ведущему колесу, по опорному катку или гусенице. От остальных частей снаряды попросту отскакивали. Доходило до того, что «тигры» спокойно выполняли навстречу «Т-34», нисколько не опасаясь последних. Вот, в качестве примера, воспоминание танкиста Н.Я Железнова: «...они („тигры“ – прим. автора) стоят на открытом месте. А попробуй подойди? Он тебя сожжет за 1200–1500 метров! Наглые были!.. Мы как зайцы от „тигров“ бегали и искали возможность как бы так вывернуться и ему в борт вцепиться. Тяжело было. Если ты видишь, что на расстоянии 8000–1000 метров стоит „Тигр“ и начинает тебя „крестить“, то, пока водит стволом горизонтально, ты еще можешь сидеть в танке, как только начал водить вертикально – лучше выпрыгивай! Сторишь!» Появление на «тридцатьчетверках» 85-мм орудия исправило положение – можно стало даже выходить один на один. Но все равно, до конца войны пресловутые Pz T-VI оставались для нас самыми нежелательными противниками.

⁵ «МГ-42» – страшное оружие. Наши солдаты называли их «гитлеровскими косами». Попадая в кость, пуля из такого пулемета попросту вырывала ее из тела.

⁶ М. Е. Катуков – один из выдающихся советских танковых командиров. Его бригада, в составе которой находились «Т-34» в 41-м году полностью разгромила танковую колонну Гудериана под Тулой (именно тогда в частях панцерваффе распространилась тотальная боязнь перед «Т-34», который казался неуязвимым). В ходе Курского сражения генерал командовал 1 Танковой армией. Решительные контратаки его боевых машин на немецких флангах не в последнюю очередь вынудили Манштейна начать отход после знакового Прохоровского сражения. Вообще, к концу войны было создано 6 гвардейских Танковых армий: 1 Т.А. – М. Е. Катуков 2 Т.А. – А.И. Радзиевский 3 Т.А. – П.С. Рыбалко 4 Т.А. – Д.Д. Лелюшенко 5 Т.А. – И.Т. Шлеминб

вики, но попытка, как всегда, провалилась. Не смотря на свалку с применением сотен машин, Летучий Голландец и здесь неизменно выделялся белой окраской, и на этот раз шел впереди своих боевых порядков, блестя латами, словно тевтонский рыцарь. «Тридцатьчетверки» остервенело открывали по «тигру» бесполезный огонь. За весь день ни один снаряд знаменитых и гибельных для остальных «тигров» и «пантер» САУ-152 не пробил его башни.⁷ Отгоняя огнем наседавших со всех сторон преследователей, сам, в свою очередь, получая в борта десятки «подкалиберных» и «бронепробивных», «Белый Тигр» оставался неуязвимым – и к исходу великой битвы окончательно потерялся в дыму и пламени.

– Он, проклятый! – вновь в невероятной злобе произнес Иван Иванович, и комбриг тотчас сообразил, с кем столкнулся его не вполне здоровый механик.

А Найденов скрипел зубами.

Через две недели бригада, перемахнув Днепр, принялась уминать гусеницами Правобережную Украину. Еще через день с марша атаковала некую Бехеревку. От пуска ракетницы до ответа замаскированных «восемь-восемь» прошло каких-нибудь пять минут – но этого времени хватило с лихвой. Из шестидесяти пяти «коробок» до хохляцких мазанок добралось пять. Сгорели, облитые брызнувшей соляркой, лейтенант-мальчишка, узбек и урка вместе с юнцом-водителем. Пораженные осколками брони при ударах «болванок», сгинули опытные наводчики и необстрелянные командиры, молодые башнеры и пожилые механики (в миру шоферы и трактористы). Дымом очередного танкового жертвоприношения затянуло полгоризонта. Однако, немцы не выдержали. К ночи, в очередном, освобожденном ценой гибели тысяч людей, крохотном пункте собрались остатки приданной бригаде пехоты (мертвые цепи ее лежали перед окопами), артиллеристы, чудом протащившие свои «76»⁸ по изжеванному гусеницами и ямами полю, плачущие от бессилия девочки-санитарки, охрипшие от неистовимой ругани капитаны и полковники – и немногочисленные оставшиеся «безлошадными» танкисты. Вымазанные кровью и копотью, последние не могли прийти в себя. Но не столько обыденные ужасы обыденной бойни, сколько выкрутасы командирского «Т-34» потрясли всех их до печени.

В начале боя ни о чем еще не подозревающий Козья Ножка, приказал механику отогнать командирскую машину на пригорок возле края леса – там развернулись приданные ему самоходчики на своих бензиновых «зажигалках».⁹ Отсюда хорошо были видны крыши и колоколенка – излюбленное место корректировщиков и снайперов. Проигнорировав опасность, комбриг привычно уселся на башне. Однако, поруководить на этот раз не пришлось. От внезапного рывка он свалился обратно в распахнутый «сдвоенный люк».¹⁰ В самом танке баш-

Т.А. – А.Г. Кравченко

⁷ Пожалуй, единственным достойным врагом «тигров», «пантер» и «Фердинандов» на 1943 год оказалась наша самая мощная в мире самоходка САУ-152 (орудие 152 мм) – которая, при удачном выстреле (конечно, с приемлемого расстояния), могла оставить от любого немецкого танка одни гусеницы. Имя ей дали соответствующее – «Зверобой».

⁸ Имеются ввиду советские 76-мм пушки ЗИС-3, одни из самых массовых в нашей армии. Немецкие солдаты за характерный звук выстрела звали их «бам-бум».

⁹ «Зажигалки» – хорошо известные в войсках СУ-76. У самоходки был бензиновый двигатель. При попадании снаряда СУ-76 вспыхивала как спичка. Судя по воспоминаниям, за это свойство ее не особо любили, поэтому СУ и получила подобное прозвище. Тем не менее, выпускалась она до конца войны.

¹⁰ Так называемый «большой люк», характерен для «Т-34» ранних выпусков. По идее «большой» или сдвоенный люк был предназначен для покидания танка сразу двумя членами экипажа – заряжающим и наводчиком. Кроме того, он предназначался для ремонта и замены 76 мм орудия. Именно через него можно было вытащить люльку с зубчатым сектором вертикальной наводки. Через него так же вынимали и топливные баки, закрепленные в надгусеничных полках корпуса. Но для экипажа люк оказался неудобен и тяжел: раненым танкистам было его не открыть. К тому же, в случае, если люк заклинивало (а такое случалось), башнеры погибали. Жалобы и боевой опыт вынудили конструкторов перейти к двум отдельным люкам башни.

нера нещадно швырнуло на боеукладку – но ничего не чувствующий, осатаневший Найденов уже вопил так, что порой заглушал мотор. Ударившись лбом об орудийный затвор, комбриг на мгновение потерял сознание, а «тридцатьчетверка» рывками и галсами понеслась к битком набитой эсэсовцами злосчастной деревне.

Все последующее для тех, кто находился в танке, обернулось ужасом. Командир, башнер и стрелок – пассажиры, от которых теперь ничего не зависело – могли только всеми своими мягкими (и твердыми) местами ощущать, как «Т-34», Бог неведь, как, избежав неизбежных «болванок» под башню, со всего разбега наскочил на немецкую пушку, перевалил ее, и летел по единственной улице. Иван Иванович был невменяем и орудовал рычагами с упоеанием маньяка. Прожигающие глаза Черепа (люк был распахнут), наводили ужас на grenадеров, внезапно, нос к носу, обнаруживших перед собой чудовище, выскочившее из преисподней. Иван Иванович, тем временем, подцепил еще одну пушку, развернулся и покатался взад-вперед по очередному замешкавшемуся расчету. Все остальное разбежалось. «Т-VI», в тыл которым неожиданно заскочила сумасшедшая «тридцатьчетверка», ошалело ворочали башнями, но дома и всеобщая паника мешали наводчикам. Наконец-то вскарабкавшийся на сиденье Козья Ножка бесполезно возился с радишной связью. Затем, он вовсю принялся лупить по спине механика офицерскими хромовыми сапогами. «Белый тигр»! – ревел в ответ Иван Иванович, кидая машину то влево, то вправо. При этом он не забывал останавливаться и крутиться на месте – всякий раз под гусеницами что-то хрустело. Перепуганный комбриг прильнул к щели командирского люка, но ничего в этом бедламе не смог разглядеть – мелькали то мазанки, то черный снег, то разбегающиеся во все стороны паникеры.

– «Белый тигр!» – завывал Иван Иванович. Останавливать его было бессмысленно. Оказавшаяся в заложниках у безумца троица надеялась теперь на «авось» – стрелок-радист нажимал на гашетку, паля в небо и в землю, комбриг, которого спас от верного сотрясения мозга вовремя натянутый танкошлем, проклинал себя за то, что связался с идиотом (ему пришлось было в голову застрелить водителя, но рука почему-то так и не потянулась к трофейному «Вальтеру»). Башнер каким-то чудом вспоминал все забытые ранее молитвы. А Иван Иванович давя людей, словно клопов, и не обращая внимания на щелканье пуль по броне, своим нещадным ревом вызывал на бой полумифического врага. Ему просто невероятно везло. Две «болванки», отметившись снопами искр, скользнули по борту и продырявили низкие облака. Еще один снаряд – теперь уже «восемь-восемь» направленный наверняка с расстояния меньше пятисот метров – (Козья Ножка, единственный из экипажа заметивший «Т-VI», помертвел) – задел ручку вмерзшего в землю плуга и улетел с прощальным визгом, перекрывшим рев мотора и водителя.

– «Белый тигр»! – хрипел Иван Иванович.

Все смешалось перед глазами отчаявшегося комбрига. Наконец, над ним смиростивились высшие силы и послали тот единственный, осколочно-фугасный, который, прямехонько и аккуратно угодив в моторное отделение, остановил неугомонного водилу уже за околицей – поиски проклятого «тигра» на этом закончились. Поняв, что двигатель угроблен, Иван Иванович заплакал, и сражение завершилось. Механика следовало бы тотчас расстрелять. Однако, обеспечив прорыв остальных сил, он передал и перекалечил в деревне столько народу и техники, что ни о каком трибунале не могло быть и речи – оставалось дожидаться награды (тем более, победный исход приписывали лихому мужеству самого комбрига).

Вообще, люки опытные танкисты всегда старались держать открытыми. (На более поздних танках командирская башенка запиралась защелками на пружинах – с ними с трудом справлялся даже здоровый человек. Поэтому, пружины снимались самими танкистами и оставлялись только защелки.). Вообще, когда снаряд попадал в башню, счет времени, для того, чтобы покинуть машину, шел на секунды. Иногда люк закрепляли брючным ремнем. Один конец цепляли за защелку люка, а другой обматывали вокруг крюка, державшего боеприпасы на башне. В случае попадания «если что – головой ударил, ремень соскочит и ты выскочишь» (Воспоминания танкиста А. В. Бондаря).

Едва не наложивший в щегольские командирские «галифе», Козья Ножка скатился с брони. Обогнув обездвиженный танк и встретившись глазами с Черепом, подполковник мгновенно забыл весь мат и, бессильно трясясь и пританцовывая перед люком, выдавил из себя совершенно детское и неожиданное:

– Пошел ты к черту! Больше я с тобой воевать не буду... Куда угодно катись... Забирайся в любую «коробку» – если дураки найдутся. Чтоб я больше тебя не видел...

Найденова определили в другой экипаж. Оставшиеся в бригаде танки кое-как привели в порядок, и завертелись дневные и ночные побоища за подобные деревеньки и хутора, которые брались с ходу и перед которыми сгорали целые дивизии. Награжденный медалью, а, затем, представленный к ордену, механик приобрел мрачную известность. Звали его уже Ванькой Смертью. И правда: стоило только Ивану Иванычу добраться до рычагов – повторялась одна и та же безобразная картина – он рвался на запад в поисках Призрака, не слушая очередного, охрипшего до синевы, командира. Удивительно, но, при всем своем самоубийственным поведении, Ванька Смерть обладал невиданной интуицией – танк его вертелся ужом на сковородке, и до того, как «тридцатьчетверку» успевали остановить, она неизменно прорывалась к окопам вермахта. Там начиналась настоящая вакханалия – гусеницы рвали пехотинцев на части, вминали их в промерзшую землю, давили и хоронили в траншеях. Вскоре, уже среди немцев начала свое неизбежное хождение легенда о Мертвом Водителе – видно, кто-то из спасшихся все-таки успел разглядеть ужас, сидящий за рычагами. Но, как бы там ни было – такое не прощалось даже мертвецам; на «коробку» обрушивался невиданный огонь, в котором любая другая машина не продержалась бы и нескольких секунд. Однако самым удивительным образом весь этот шквал разнообразных «болванок» и «подкалиберных» отскакивал, ricochetировал и пролетал мимо. В конце концов, зачастую уже далеко в немецком тылу, заговоренную «тридцатьчетверку» сжигали – целым и невредимым неизменно к своим возвращался только Иван Иваныч. Как и почему ему удавалось выкарабкиваться из груды обломков – никто не знал. От механика принялись шарахаться, тем более, он всегда сам вызывался в разведку боем (верная гибель для остальных).¹¹ Политработники не могли на Ивана нарадоваться. С добровольцем отправляли понурый экипаж, а там все вертелось по кругу; танк прорывался куда-то вглубь – об этом свидетельствовали дым и выстрелы – затем все стихало. Танкисты поминали ребят и проклинали водителя. Как-то после очередного прорыва Иван Иваныч исчез на двое суток, чему все, за исключением околавывавшегося все то время в окопах корреспондента одной из фронтовых газет, обрадовались. Оживление оказалось недолгим – на исходе третьих, под утро, Ванька Смерть, перепугав своим видом часовых, все-таки свалился в родную траншею – в иссеченном осколками, истерзанном комбинезоне, в рваном танкошлеме, прокопченный и безобразный. Появилась статья (правда, без фотографии), об этом со всех сторон удивительном герое. Схватив очередную награду, он тут же занял место механика в очередном обреченном танке. Командиры (а их сменилось немало), все, как на подбор, молодые ребята, орали, грозили трибуналом, вытаскивали «ТТ» и наставляли штатные ППШ – без толку. Заговоренный Найденов устремлялся в самое пекло. Удивительно, но никто так и не решился его пристрелить. Кончалось тем, что экипажи оставались гореть в разбитых машинах, а Ванька Смерть садился на новую. Штабное начальство гордилось им. Личный состав – от командира батальона и ниже – угрюмо его ненавидел.

¹¹ Разведка боем – самое страшное, что могло случиться с экипажем. Танки посылались для проверки прочности обороны противника, для выявления его огневых средств и т. д. – то есть практически на верную гибель, ибо выполняли роль своеобразного «живца»: именно по подобным «разведчикам» открывали огонь замаскированные немецкие батареи. По воспоминаниям танкистов, почти всегда подобная разведка заканчивалась либо ранением, либо (что чаще) смертью. Вот почему поначалу вызывались добровольцы, а если таковых не находилось – назначали смертников.

Все шло своим чередом – пропал в огне Козья Ножка, сжарился заживо, заменивший комбрига, немногословный, не удивляющийся даже страшным потерям, пожилой белорус Вороткевич. Танки сжигались десятками. Через неделю победного марша по Украине, пятый по счету начальник бригады – суетливый словно дворняжка, полковник Пшеничный, едва приняв командование, уже ломал голову, не зная, что делать с Найденовым. То, что механик явно не в себе, было очевидно. Зато никто больше *так* не воевал – и подобное обстоятельство оказалось решающим. Напрасно с подачи командиров машин заместитель умолял нового полковника дать Ивану Иванычу хотя бы отдых в резерве. Совершенно бесполезно высказывалось предложение отослать Найденова в самый глубокий тыл – для отчета в вышестоящий штаб Пшеничному позарез был нужен пример беззаветной храбрости. Фронтовики с Черепом идти в бой отказывались наотрез – угрозы не помогали – но на счастье, прибыло пополнение. Ваньку тут же определили в набранный с бору по сосенке экипаж гвардии младшего лейтенанта Кудряшкина. Дня не прошло – бредивший «Белым Тигром» Иван Иваныч одиноко приполз к своим. Ему дали на растерзание новенький «Т-34» лейтенанта Колядко – механик сразу схватился за рычаги. Однако, товарищ Колядко был не так-то и прост! Получив в подарок знаменитого смертника и приказ проверить (опять-таки боем) плотность противотанковых средств на переднем крае, лейтенант, в отличие от уже сгоревших друзей, благоразумно помалкивал. Единственно, что он заблаговременно сделал – распахнул командирский люк и отсоединил от разъема бесполезное ТПУ.¹² А, кроме того, не поленился осмотреть одежду, дабы ни за что не зацепиться. Ждать пришлось не так уж и долго – как не пытался Ванька прорваться к окопам, шансов на этот раз не осталось – немецкие зенитки стояли, чуть ли, не через каждые десять метров. Болванка прожгла броню, в ключья порвав заряжающего, ее осколки нашли радиста. Все, что могло гореть, запылало – но товарища Колядко в башне уже не было.

Затем, посреди чадающих и развороченных машин, он все-таки нашел безутешного Иван Иваныча, который плакал возле своей догорающей «коробки». Не людей было жалко этому извергу – а танк. Лейтенант выплюнул скопившуюся окалину и сказал без обиняков:

– Я в часть не вернусь! Доложи им, что сгинул я. Пропал я без вести... Ты меня больше не видел.

И действительно – сгинул.

А Иван Иваныч вернулся.

Однополчане, среди которых оказалось немало выпущенных из лагерей душегубов, скорее всего, не прибили его только потому, что вне боя он становился послушным и кротким; обидеть такого было просто грешно. В то время, когда остальные мечтали лишь о том, чтобы, как можно скорее, их гробы вышли из строя (попадание снаряда в мотор или, на худой конец, в оружейный ствол, считалось удачей), бригадный юродивый не просто любил «коробочки» – он их обожал, словно конюх, помешавшийся на лошадях. На привале Ванька Смерть не вылезал не только из под своей, но и из под чужих машин, постоянно что-то в них проверяя и отлаживая. С грубым двигателем «тридцатьчетверки» он готов был возиться и днем и ночью. Руки его чудеса вытворяли. Опять-таки, к ненависти многих, Череп ремонтировал моторы совершенно безнадежные, от которых отказывались ремонтники; этот, вытащенный каким-то чудом с того света, совершенно беспамятный мертвец не просто существовал – он *жил* танками и войной. И эта его почти растительная жизнь, без прошлого, в одном только настоящем, и обезоруживала! Иван Иваныч не сходил с постоянно меняющимися экипажами. Лица и имена товари-

¹² Еще одна маленькая хитрость, благодаря которой танкист оставался в живых, когда счет времени шел на секунды. ТПУ – танковое переговорное устройство. Фишку ТПУ подчищали так, чтобы она легко выскакивала из гнезда. Иначе провод мог задержать новичка – в случае пожара подобная задержка оказывалась роковой. И вообще, те, кто не раз уже горел в танках, проверяли перед боем и одежду – ничто не должно было мешать молниеносно покинуть машину. Так уж повелось – в танковых войсках выживали самые шустрые. Неторопливым здесь было делать нечего.

щей он и не пытался запомнить; зачастую, зимой, в одиночестве оставаясь в ледяном чреве очередного «Т-34». Даже на фоне и без того примитивного быта, Иван выглядел просто аскетом. Другие, как могли, выживали: рылась траншея, танк наезжал на нее, накрывался незамеченным брезентом, к днищу подвешивалась печурка, снималась притороченная к борту пила. Насытив дровами «буржуйку», измотанные, все в чирьях, фронтовики, засыпали, возможно, перед самым последним днем своей копеечной жизни. Все их трижды проклятое существование пропиталось соляжкой, снарядной смазкой, пороховой гарью и вконец отравлялось вшами, на которых не хватало ни сил, ни времени. Командиры, стрелки, механики и башнеры натягивали на себя все, что только можно – гражданские пиджаки, свитера, ватные штаны, ботинки и валенки: печь не могла их согреть.

А Найденов, как ни в чем не бывало, спал на сидении, примерзая к металлу.

Зная, что Ванька Смерть оставлен в части, как наказание за видимые и невидимые грехи, с ним старались особо не сталкиваться – впрочем, говорить с Черепом было и не о чем. Постоянно разглядывать лиловые рубцы и щели вместо рта и ноздрей никому не хотелось. Этот сумасшедший в одном расплзающемся по швам комбинезоне, безучастный к дождям и холоду, отворачиваясь от остальных, безучастно ел и пил, что дадут.

И все твердил о своем дурацком фантоме; он действительно был помешанным!

Вновь назначенный в бригаду политрук Бубенцов, по мнению многих, товарищ с «большим прибаблом», не околачивался в тылу. Этот искренний коммунист (в политотделе над ним откровенно посмеивались), всегда рвался погибнуть первым. После взятия очередной деревеньки партизцы застал Иван Иваныча на покрытом обломками поле. Бубенцов оказался первым, кто, по долгу службы, всерьез прислушался к бормотанию – привыкший ко многому политрук на этот раз растерялся. Оказалось, Найденов молился – но опять-таки не павшие товарищи были причиной молитв – Иван Иваныч совершал панихиду по мертвым танкам, жалобным надтреснутым голосом призывая Всевышнего принять их и успокоить на небесах.

Ошарашенный коммунист не стал себя выдавать и, затаившись в ближайшей траншее, дослушал монолог до конца. Кое в чем он разобрался – души убитых танков встречал особый Господь (в незатейливом и, без всякого сомнения, больном воображении Иван Иваныча Бог представлялся огромным, бессмертным танкистом в обязательном танкошлеме). Вне всякого сомнения, этот вездесущий танковый Саваоф, целиком стоящий на стороне правого дела, должен был помочь найти «Белого Тигра» – с тем, чтобы уже сам Иван Иваныч расквитался с личным, до рвоты ненавистным врагом.

Будучи до мозга костей атеистом, более того, самым грозным и рыкающим образом пресекающий попытки солдат обращаться к небесному воинству, в этом *особом* случае политрук совершенно потерялся. А затем, даже как-то пристыженно, стараясь не единым шорохом не выдать себя, чуть ли не на цыпочках вернулся к позициям.

А Ванька все стоял на коленях.

В мясорубке у Корсуня, где в «котле» за одну ночь сварилось не менее пятидесяти тысяч немцев,¹³ он явил свою страшную и беспощадную сущность. Врезаясь в колонны и сминая бегущую навстречу человеческую массу, которая даже не пыталась сопротивляться, «коробка» плясала на человеческих костях. Это было настоящим заклинанием. Очередной мальчишка-коман-

¹³ За Корсунь-Шевченковский «котел» командующему 2-м Украинским фронтом генералу армии Коневу было присвоено звание маршала. В феврале 1944 года в результате наступления советских войск на Правобережной Украине в полное окружение попали 11-й и 42-й армейские корпуса, включая моторизованную дивизию СС «Викинг» – более 60 тысяч человек. Попытки вермахта деблокировать «котел» ни к чему не привели. Уйти удалось немногим. Ночь прорыва стала трагической для 50 тысяч солдат. Для немцев это была вторая после Сталинграда трагедия. Но, как показали события, далеко не последняя.

дир, впервые оказавшийся в такой каше, не мог и пикнуть, и, прильнув к перископу, с ужасом ощущал, как двадцатью шестью тоннами плоть раздавливается, словно клюква. «Белый Тигр» мерещился Черепу в каждом бугре, однако попадавшиеся навстречу разбитые бронетранспортеры и самоходки не имели с проклятым призраком ничего общего. Легкие «Pz T-111» и «Pz T-IV» уныло встречали ревущую «тридцатьчетверку» – за неимением горючего и боеприпасов их давно забросили экипажи; чернели их башни, валялись рядом, заносимые бурей, пустые канистры. Тараня очередной безжизненный танк, Иван Иванович устремлялся по человеческому месиву к следующему, то и дело высываясь из распахнутого люка, и выл, словно оборотень, когда убеждался в еще одной ошибке.

– Totenkampf! – орал немцы. И бежали навстречу.

– «Белый Тигр»! – ревел Иван Иванович. И давил их целыми толпами.

Под утро, когда выдохлись даже наработавшиеся пашками казаки (они замертво падали с взмыленных коней и тут же засыпали), танк Ивана Ивановича в одиночестве продолжал бороздить равнину – то и дело попадались развороченные обозы, вереницы, словно нанизанных друг на друга, машин, тракторов и повозок – но «Белого Тигра» не оказалось и в помине.

– Немедленно остановите этого придурка! – требовал у комбрига выпорхнувший из ободранного «виллиса» какой-то майор (находясь в свите Конева, прибывшего на место победы, он получил приказ разобраться, в чем дело).

Обреченно вздыхая, Пшеничный с политруком кратко доложили историю Найденова, убедив штабного в том, что проблему можно закрыть только противотанковой пушкой. Рассказ позабавил тыловику; посыльный обещал доложить наверх о несчастном танкисте.

Конев тут же на поле пожаловал герою Орден Красной Звезды и произвел его в старшие сержанты. Затем, стараясь не смотреть на *лицо* награжденного, угостил Ваньку «Герцоговиной-Флор», попытавшись выяснить при каких обстоятельствах тот столкнулся с пресловутым Летучим Голландцем.

Иван Иванович в который раз безнадежно силился что-то вспомнить. И вновь за беспамятного танкиста выступил представлявший его Бубенцов.

Первая встреча с армейскими небожителями длилась считанные минуты; Коневу донесли, обнаружено тело немецкого генерала – судя по всему, Штеммермана.¹⁴ Без пяти минут маршал откозырял отважному Ваньке и вспотевшему политруку и отбыл, отметив в своем блокноте: «Танкист Найденов. Вернуться к разговору...». Причина озабоченности была самой простой – Белый Призрак отличался такой кровожадностью, что, в конце концов, о нем доложили Сталину. Тиран потребовал разобраться.

Что касается Ивана Ивановича, удивительно, но он как раз то и чувствовал, где искать своего обидчика: в январе 44-го «Тигр» объявился именно на Украине. Немец проявлял чудеса изобретательности: прежде чем наткнувшиеся на засаду начинали понимать, в чем дело, его «восемь-восемь» оставляла в танковых колоннах настоящие бреши. Скорострельность была невиданной – за минуту вычеркивались из списков пять, а то семь машин! Обозначив свое присутствие чадающими танками, этот пижон наконец-то показывался; ослепительно белый, без крестов, и бортовых номеров. Некоторое время «Тигр» неподвижно стоял на пригорке, видный со всех сторон, до самой мелкой выбоинки на броне. Он сам подставлялся под выстрел – но танкисты даже не тратили на прицеливание бесполезное время! Как только башня Призрака оживала, экипаж очередной обреченной «тридцатьчетверки» со всей имеющейся пры-

¹⁴ Генерал Штеммерман командовал окруженной под Корсунем группировкой. Во время прорыва погиб – его труп был обнаружен на поле боя. Уникальный случай на этой дикой и беспощадной войне; Конев приказал похоронить погибшего противника со всеми воинскими почестями: что и было сделано. Ритуал включал в себя залп из винтовок.

тью выскакивал из машины. Впрочем, мало кто уходил – невидимый стрелок-пулеметчик за непробиваемым «лбом» показывал истинное мастерство.

Привычку всесильного Главнокомандующего в течение нескольких часов выдерживать в Кремль всех имеющих отношение к проблеме специалистов, Жуков взял на вооружение: в штаб фронта прибыли конструкторы, металлурги и даже баллистики Ижевска. На стол легли все имеющиеся фотографии, которые успела запечатлеть разведка.

– Как вы, Георгий Константинович, знаете, для противодействия «тиграм», кроме «САУ–152» нами подготовлен «ИС». – доложил деловитый Морозов.¹⁵ – Танк уже поступает в войска. Однако, считаю своим долгом добавить – для успешной дуэли с одним даже «Pz T-VI» необходимо не менее трех новых машин.

Товарищ Жуков, усмирив в себе грубость,¹⁶ как можно внимательнее слушал этого, всеми признанного, генератора танковой мысли.

¹⁵ А. А. Морозов – выдающийся советский танковый конструктор и организатор. Явился одним из отцов-создателей танка «Т-34», много усилий прикладывал для его модернизации. Под руководством Морозова на базе «тридцатьчетверки» шли работы по созданию нового среднего танка «Т-44», который по всем параметрам должен был превзойти своего знаменитого предшественника. Подробнее о «Т-44» рассказано в самой книге.

¹⁶ Грубость Георгия Константиновича общеизвестна. Но общеизвестна и его справедливость. Конечно, в самой его личности многое далеко неоднозначно, но все-таки, пользуясь случаем, хочется ответить на наиболее частое обвинение в адрес этого выдающегося маршала – прежде всего в том, что он, не раздумывая, укладывал солдат, не считался с потерями и т. д. и т. п. Не следует забывать, Жуков сам солдатом прошел I Мировую. Он был плоть от плоти прежней русской армии, вольно или невольно впитал в себя ее менталитет. К сожалению, большие потери кроются не столько в его непосредственном руководстве или в руководстве того же Мехлиса, дурака и отъявленного негодяя, сколько в самой нашей отечественной традиции (осмелюсь заметить, не только большевики в ней виноваты). Царские армии воевали точно так же (если не хуже): достаточно внимательно почитать источники. Косность, негибкость, наступление огромными массами в лоб – как это для нас вообще характерно! Считалось особым геройством идти прямо на пулеметы, да как каппелевцы. Да еще ровным строем! От Крымской войны до начала Второй Мировой мы видим все то же традиционное шапкозакидательство и, зачастую, преступное разгильдяйство, идет ли речь о Тимошенко или о Великих князьях. РККА не могла не унаследовать тянущиеся еще со времен средневековья русские военные пороки: наплевательство на жизни (бабы нарожают!), страх перед начальством, желание угодить ему, добиться любой ценой очередного ордена, разумеется, за счет других жизней (да хоть бы Толстого почитать, «Война и мир»), нежелание учиться на собственных ошибках (каждый раз на одни и те же грабли) – и так далее. Пусть читатель откроет Русско-турецкую кампанию 1877–78 или Русско-японскую 1904–1905 г.г. Вот как, по крайней мере, в начале войны, воевали немцы: высылается дозор, за ним идут основные силы. Разведка, выяснив обстановку, докладывает об опорном пункте противника. Начинается атака – и то после авианалета и тщательной артподготовки. При активном сопротивлении противника никакому немецкому офицеру не придет в голову упорствовать и заставлять солдат брать блиндажи и доты любой ценой. Он просто отведет от переднего края вверенные подразделения и вновь вызовет артиллерию и авиацию. Только после того, как снаряды и бомбы расчищают путь, наступление продолжится. Более того, немец всегда будет искать слабые места в обороне, чтобы просочиться, обойти врага, окружить его – и, в конечном счете, взять с тыла без собственных потерь. Для нас такой естественный, вызванный необходимостью, да и просто трезвым расчетом отход немецкой пехоты или танков часто воспринимался как трусость (фрицы побежали!). Конечно же, именно в нашем менталитете лезть на колючую проволоку, да еще толпами и в полный рост. Командиры, разумеется, впереди – от ротного до самого Ворошилова. Тех, кто при этом разумно протестовал, пытался хоть как-то думать, почитали за предателей: герой не боится смерти, не дрожит и не прячется – ну и прочее. С горечью повторяю – разве подобное не знакомо читателю? Еще один маленький пример по поводу отечественного «своеобразия». У немцев было запрещено находиться на переднем крае без каски (вплоть до самого строгого наказания). Каски обязаны были одевать все – от рядового до генерала. Немцы народ дисциплинированный – носили. Даже немецкие танкисты, вылезая из танка, должны были обязательно их надевать. Красноармейцы часто отмахивались. В итоге – неоправданно большой процент ранений в голову (осколки, камни и прочее). Многие попадания, которых можно было элементарно избежать, оказывались смертельными. Вообще, все наши неудачи первых лет войны заключаются в самом простом объяснении: немцы умели воевать. А мы – нет. Если брать философию, само отношение к войне у нас разное: европейец шел на войну сражаться и побеждать. У нас огромную роль всегда играла жертвенность. Мужики уходили испокон веку на фронт, заведомо «принося себя в жертву» – поэтому-то и были в русском солдате столь удивлявшее противника пассивное мужество, равнодушные к гибели товарищей, да и к своей тоже, и совсем уж непонятный для европейца фатализм – достаточно почитать наблюдения немецкого генерала Меллентина и других очевидцев и участников русско-немецкой бойни 41–45 годов. Хлебопашец, крестьянин (а из кого еще состояла наша необъятная пехота) уже заранее жертвовал собой. Он смирялся! Да что говорить! Можно приводить бесконечные примеры из отечественной истории по поводу всех этих наших особенностей и традиционных, из поколения в поколение, недостатков. Это отдельная тема. Конечно, мы воевать рано или поздно учились. Но, опять-таки, ужасной кровью. А во II Мировую мы вообще чуть было в ней не захлебнулись. Вывод: есть вещи, которые на Жукова, на Тимошенко и даже на Сталина валить нельзя.

– На «ИСе» – 122 миллиметровая пушка. В случае прямого попадания вещь, конечно, убийственная. Но вся загвоздка в механизме заряжания – он отдельный. К сожалению, в скорострельности мы здорово отстаем. Заряжающий вынужден следом за тяжелым снарядом досылать и заряд; в итоге, на подготовку уходит не менее двадцати секунд. Остальное можно себе представить – если, конечно, «немец» не убит первым залпом. Я говорю о серийных «тиграх» – их орудия делают до шести выстрелов в минуту. Следовательно, опытный наводчик – а у немцев они подготовлены – в течение все той же минуты, даже с поправкой на волнение и форс-мажорные обстоятельства боя, вполне может расправиться с двумя «ИСами», пока за это время его не прикончит третий.

Жуков молчал.

– Еще раз повторяюсь, дело идет о серийных «тиграх». – продолжил бестрепетный специалист. – В случае с так называемым Призраком все гораздо сложнее. Я выскажу общее мнение – рассматриваемый нами экземпляр – единственный в своем роде! Это касается и брони, и вооружения, и, прежде всего, ходовой части. В условиях распутицы, в которой вязнут «тридцатьчетверки», «Тигр» ухитряется совершать просто немыслимые для его веса маневры. Даже если предположить, что немцам вместо серийного «Майбаха» удалось установить какой-то сверхновый двигатель, остается непонятным, как, по бездорожью он «несет» шестьдесят с гаком тонн. Кроме того, между катками должна забиваться грязь. Сейчас оттепели чередуются с заморозками – ночью она неизбежно превращается в лед и под утро лишает хода любую подобную машину: немцы постоянно на это жалуются. Но здесь опять-таки особый случай; «тигр» прокрался именно утром. А за линией фронта оказался в условиях полной распутицы.

– Сейчас все дороги утонули в грязи. – подтвердил начальник Разведки фронта после того, как знаменитый взгляд Жукова остановился на нем. – Сплошное болото...

– И, тем не менее, неделю назад он прошел!

– Так точно, товарищ маршал!

– Расстрелял пятнадцать САУ, не получил ни единой пробоины, и каким-то образом, вернулся обратно?

– Так точно.

– Думаю, немцы значительно усилили броню. – подал голос представитель техуправления НКВД. – Вполне возможно, что к так называемому «Белому Тигру» просто приварены плиты. – тем более, если двигатель позволяет легко двигать такую машину, почему бы ни утяжелить ее на лишние пять, десять тонн? В принципе, можно довести толщину до двухсот миллиметров – англичане уже столкнулись с подобным в Африке. Не побоюсь ответить и за артиллеристов – на «тигре» 88-миллиметровый ствол. Опять-таки предположим, калибр несколько увеличен, что позволяет снаряду иметь еще более высокую начальную скорость. О качестве немецких танковых пушек можно даже не упоминать. Плюс все та же оптика и прекрасно выученный экипаж. Не знаю насчет движка, но что касается брони и снарядов – здесь нет никакой мистики...

– Значит, все дело в двигателе? – перебил маршал. – А вы отдаете себе отчет, что мы просто-напросто проворонили создание более тяжелого немецкого танка? Да еще и с такой защитой?!

– Призрак действует в одиночку. – вновь поднялся начальник Разведки фронта. – Речь о серийном производстве идти не может, иначе подобные танки уже давно бы появились. Заявляю со всей ответственностью – новый двигатель создан в двух или в трех экземплярах. Дефицит редких металлов не позволяет запустить новый «Майбах» или что там еще, в производство. В свое время фирма Порше и Управление бронетанковых войск отказались от дизеля именно из-за отсутствия алюминия. Бесспорно, фрицы – хорошие механики. На четвертом году войны они могут создать отличный мотор. Но сложность технологии, расход огромного количества горючего и опять все тот же дефицит однозначно не позволят им сделать серию. К счастью, мы столкнулись с единственной в своем роде машиной.

– Один танк сжигает полк самоходок! – угрюмо заметил товарищ Жуков. – У вас что, силенок не хватает заткнуть ему глотку? Усильте разведку. Установите местонахождение. Возьмите три-четыре «ИСа», в конце концов! И покончите с этим делом...

– Думаю, нужен улучшенный «Т-34»! – подал голос присутствующий Катуков. – «ИС» все-таки тяжеловат. Нужна маневренность. «Т-34-85», я думаю, вполне подойдет...

– Ваши предложения.

– Пойти по тому же пути. Сделать единственный экземпляр. Усилить машину броней. Поставить надежный двигатель. Хорошенько его отрегулировать... Пристрелять пушку... «Восьмидесятипятимиллиметровка» на расстоянии километра подкалиберным прожжет любую броню. Можно установить трофейную оптику. Немцы же выкатили подарок! Мы тоже не лыком шиты.

– Срок?

– Месяц! – раздался в ответ уверенный хор.

– И что, за это время сварганите чудо?

– Оно уже создано. – переглянувшись с коллегами, доложил главный конструктор. – На 183 заводе постарались, товарищ маршал. Остались кое-какие доработки.

– Тогда две недели. – распорядился представитель Ставки. – Да. Позаботьтесь насчет экипажа.

Так, Ванька Смерть оказался в Нижнем Тагиле.

Вновь своим видом Череп вызвал «охи» и «ахи» сердобольных станочниц. Вновь на «обугленного» тайком бегали смотреть мальчишки-рабочие, ибо ничто так не приковывает к себе взгляды, как чужое уродство. Найденов не обращал внимания на невольное сострадание. Устроив постель из все той же ветхой шинели под гусеницами секретного танка,¹⁷ при помощи двух прикомандированных заводских механиков, которые с ужасом и восхищением наблюдали за сумасшедшим, он не поленился опробовать новый двигатель. «В-4» по внешнему виду напоминая стандартный движок, был в два раза мощнее и еще более надежнее. Кроме того, Ивана Иваныча встретили улучшенная пятискоростная коробка передач, воздушный сверхмощный фильтр, и катки с усиленными резиновыми бандажами. На выхлопные патрубки поставили внушительные глушители. «Экспериментальный» заметно отличался от «тридцатьчетверок», которые спешно собирались по обе стороны и днем и ночью отправлялись на фронт: была отлита особая башня с шестидесятимиллиметровой броней, в которую добавили больший процент никеля – защита обладала хорошей вязкостью и не крошилась, лоб усилили до двухсот миллиметров. 85-миллиметровое орудие с километра пробивало стодесятимиллиметровые плиты. Пушку снабдили цейсовским телескопическим прицелом. Командирская башенка-гайка и люк заряжающего открывались почти мгновенно при помощи особых пружин. Даже триплексы на люке механика-водителя в порядке исключения изготовили из особенного прозрачного стекла; в них, что удивительно, даже на марше можно было видеть дорогу.¹⁸ По сообщ-

¹⁷ В книге образ «эксперименталки» собирательный, но на самом деле в отечественных конструкторских бюро полным ходом шли работы по созданию на базе «Т-34» более качественного и лучшего танка (тот же опытный танк «Т-43» и великолепный во всех отношениях «Т-44», к сожалению, так и не успевший поступить в войска), учитывался негативный опыт, вносились постоянные изменения в конструкцию башни, рассматривались варианты постановки более эффективного орудия, совершенствовались многие части – от двигателя до приборов наблюдения.

¹⁸ Приборы наблюдения «тридцатьчетверки» долго время не выдерживали никакой критики. Первые танки имели так называемые «зеркальные» перископы у механика-водителя и в башне (достаточно примитивный короб с установленными под углом вверх и вниз зеркальцами из полированной стали). Качество отображения было попросту отвратительным. После первого, достаточно горестного для танков года войны, установили призматические приборы наблюдения – на всю высоту перископа шла стеклянная призма. Но водители по-прежнему предпочитали открывать люки, не смотря на опасность словить пулю, осколок или, в лучшем случае, воспаление легких. Триплексы на люке механика-водителя делались из желтого и зеленого оргстекла самого скверного качества – в них практически ничего не было видно. Кроме того, они моментально забрызгивались грязью. Нечего и говорить, какими потерями оборачивалась вынужденная слепота. Из за плохого обзора экипажи

ражению секретности танкисту запретили покидать завод, но Найденов сам прилип к чудо-машине; здесь завертелась его Вселенная, здесь сосредоточился смысл бытия. Танкист обедал и ужинал возле своей воплощенной надежды, и тут же неподалеку справлял нужду. Кормили в тылу водянистой кашей, жидким супом из капусты и промерзшего картофеля, и давали грызть черные, точно уголь, куски хлеба, от которого в скором времени наступала изжога. Но Иван Ивановичу было совершенно все равно, что попадало к нему в желудок. Юродивому, который имел обыкновение говорить сам с собой и то и дело обращаться к машине, таскали котелки из заводской столовой все те же, до самозабвения сердобольные русские бабы.

За неделю были справлены необходимые приготовления: Найденова повысили до старшины. Затем, чуть ли не на следующий день, явившееся в цех начальство извлекло механика из под «коробки» и заставило пришить к донельзя изношенной гимнастерке погоны младшего лейтенанта. Не пройдя даже курсов, Ванька сделался командиром. Решение было самым здравым – «органы», не сумев докопаться до его подноготной (истинное имя и родословная Найденова окончательно канули в лету), тем не менее, тщательно разузнали, *как* воюет Иван Иванович. В данном случае решили не перечить найденовской интуиции: вскоре на тагильский 183-ий прибыло двое, отобранных по прямому приказу Конева, членов будущего экипажа – один другого краше!

Сержант Крюк до отвращения не любил боев и походов, но, при всем при этом, оказался талантливым совратителем попадавших в его руки медсестер и колхозниц. Он то знал, как сварить вкусную кашу из горсти муки, щепотки соли и единственной луковицы, как, даже в дочиستا ободранной избе раздобыть себе одежонку, как за десять минут в самой окаменелой степи отрыть окопчик, и, словно собака перед землетрясением, предчувствовал надвигающиеся бомбежки – словом, был настоящим солдатом! Его давно бы поставили к стенке, но Крюк считался лучшим танковым снайпером, какого только могли отыскать на фронтах, и имел на счету, за исключением прочей мелочи, двенадцать «пантер». От Курска до Днепра он горел десять раз, и за свою невероятную прыгучесть получил прозвище «блоха» – поэтому и здравствовал, а не гнил в земле. Однажды, танк «блехи» наскочил на фугас – наводчика метров на двадцать отбросило вместе с башней, отчего гвардеец насквозь прокусил собственный язык и с тех пор шепелявил. При виде женщин сержант вообще начинал шипеть как змея; невольно приобретенное качество помогало в делах амурных – Крюк гипнотизировал жертв до полного одурения.

Старшину Бердыева присоединили к элитному экипажу исключительно из за физических данных. Еще в «белофинскую» башнер тяжелого «КВ-2», привык играючи управляться с бетонобойными снарядами. После подобного двухлетнего жонглирования 85-мм болванки вызывали у него снисходительную ухмылку. Кроме того, якут обладал еще одним неоспоримым качеством – не угорал во время самого длительного боя, когда от скопившихся в башне газов замертво валились командир с наводчиком. Он не был чужд юмора, временами прикидываясь не знающим русского – «моя-твоя не понимай». Почти сразу выяснилось, заряжающий – запойный пьяница. Как гвардеец Крюк имел нюх на колхозниц, так Бердыев – на водку; башнер преспокойно доставал ее в самых немыслимых местах посреди бескрайних пространств, где за сотни километров не просматривалось жилья, и в освобожденных городах, в которых освободителям доставались разве что разбитые кирпичи. Трофейный термос заполнялся до краев с

не могли вовремя разглядеть опасность – особенно это касалось боковых секторов – и получали в борта «болванки» и подкалиберные. (проведя исследования осенью 42-го года специалисты увидели; из 432 попаданий в корпус исследованных танков – 270 приходилось на борта). Положение исправлялось, к сожалению, медленно. С лета 1943 года на «Т-34» начали, наконец-то, устанавливать командирские башенки с круговым обзором. А командир нового «Т-34-85» уже имел, помимо башенки, призматический, вращающийся в люке перископ МК-4. Но некоторые опытные танкисты по-прежнему предпочитали держать люки открытыми (чтоб все видеть и как можно скорее выскочить) и командирской башенкой не пользовались.

завидной постоянностью. Осенью 43-го Бердыев чуть было не загремел в штрафбат; при взятии спиртовых цистерн на одной из железнодорожных станций под Киевом, «моя-твоя не понимай» неожиданно проявил завидное красноречие, уговорив экипаж пустить в ход запасные топливные баки, предварительно слив с них горючее, позарез нужное для дальнейшего наступления. Вскоре, под охраной двух хмурых конвоиров, он уже трясся на «виллисе» в тыл. Спасло башнера крайне удачное стечение обстоятельств – на следующий день авиабомба разнесла блиндаж штаба со всем трибуналом: двумя политработниками, начальником «смерша» дивизии, «особистом», связисткой, которая исправно делила с ними постель и приготовленными на танкиста документами. Бердыев, благополучно выбравшись из засыпанного сортира, в который его отвели за минуту до взрыва, убедился, что приставленный к нему лейтенант-«смершевец» так же нашел свой конец на ветвях далекого дерева, и вернулся в строй, безмятежный, словно младенец. Время стояло жаркое – зима 44-го на уже упоминаемой правобережной Украине – незадачливого штрафника оставили в покое, более того, наградили за дело под Липками, во время которого пьяный якут, ухитрился заряжать оружие *за пять секунд*. От застигнутых врасплох бронетранспортеров и «артштурмов» летели клочья. После этого Бердыеву простили все, хотя остальные смертные шкурой знали – хорошо поддать перед боем, значит, наверняка поставить на жизни крест.

За оставшиеся дни, в которые Иван Иванович своей суматошной активностью вконец измочалил заводских специалистов, славный сержант Крюк произвел фурор среди местных литейщиц и фрезеровщиц. Наводчик обосновался в одной из подсобок – к нему добровольно, чуть ли не в очередь, выстраивались нетерпеливые до порядочно подзабытого удовольствия бабы. Нужно отдать должное герою сержанту – топча курятник со всей страстью изголодавшегося кочета, гвардеец не отказал даже горбатой посудомойке. Не смотря на усиленный доппаек (в столовой такое неожиданно привалившее счастье поварахи закармливали в три горла) к концу недели он едва таскал ноги. Когда, проклинаясь обозленными спецами, Иван Иванович наконец-то уселся в сидение механика, трудягу пришлось подсаживать на броню.

Терзаемый похмельем Бердыев совершенно непостижимым образом оказался в конторке инженера-оптика; там под всевозможными замками, подобно кощеевой игле, тщательно оберегался в запечатанной канистрочке неприкосновенный запас (НЗ даже для начальников и парт-оргов). После кражи любитель «96-процентного», словно фокусник, сумел выбраться обратно, оставив запертыми все двери. После кражи сын тундры слонялся по цеху. Развлекая рабочих, он подбрасывал и ловил приготовленные к монтажу танковые катки. Во время долгожданного выезда сердобольные бабы посадили и его.

В торжественный час Ванька-Череп сам опробовал рычаги. Гвардеец-наводчик едва держался за командирский люк, не имея сил попрощаться с гаремом. Якут мирно спал на дне «коробки». За танком, изрыгая проклятия, бежал обнаруживший пропажу оптик. Гнев и отчаяние его были совершенно бесполезны – однако, не смотря на это, страдающий одышкой инженер, рысью миновав заводские цеха, без сил свалился уже возле железнодорожной платформы, по сходням которой ласточкой взлетела мастерски ведомая Найденовым «экспериментальная».

Спирт мирно плескался в бердыевском термосе.

Танк закрепили, запахнули брезентом – и эшелон покатил на бойню.

«Энкэвэдэшники», облегченно вздохнув, принялись за рапорты. Им было чем гордиться – «тридцатьчетверка» Ивана Ивановича, укрытая от вездесущих вражеских глаз, в срок отправилась в Белоруссию; как раз незадолго до готовящегося грандиозного наступления Призрак обнаружили именно там.¹⁹ Новой партии будущего металлолома дали самый зеленый свет;

¹⁹ Операция «Багратион» во всех отношениях оказалась выдающейся: именно в ней советские танки сыграли одну из

«теплушки» и платформы перекликались колесами днем и ночью. Счастливый Иван Иванович по обыкновению ничего не замечал – а жаль; третья весна войны самым естественным образом завершалась. Вызывая радость доставляемых к смерти танкистов, повсюду теперь вдоль полотна блестела и пахла зелень. Истомившиеся от полугодового безделья грозовые дожди заливали состав. Но даже во время гроз Иван Иванович не покидал свое детище, предпочитая забираться все под тот же брезент и прижиматься спиной к танковым тракам. Он оказался командиром на редкость удачным, совершенно позабыв о наводчике и заряжающем. Впрочем, и тот и другой держали язык за зубами, предпочитая отмалчиваться на вопросы особо любопытных соседей по нарам. Обоих в то время переполняла тревожная скука. Единственным развлечением были разминки во время крошечных остановок и беготня наперегонки за кипятком в испещренные осколочными отметинами здания вокзалов. Между тем, развязка всех судеб неумолимо приближалась; чем меньше оказывалось по обеим сторонам дороги не тронутых снарядами лесов и деревень, тем более мрачнел гвардеец. Изрешеченные словно дуршлаги, танки, которые вросли в землю посреди полей и перелесков и, судя по всему, даже на переплавку не годились, равно как и едва присыпанные братские могилы, то и дело, мелькающие возле железнодорожной насыпи, от которых шел столь знакомый дух, настроения не поднимали. Бердыев, давно в одиночку приговоривший ворованный спирт, впал в тоску совсем по иному поводу. Часто оставляя товарища, башнер рыскал по вагонам. Однако, по мере приближения к концу, каждая капля спиртного в солдатских флягах превращалась в золото.

Иван Иванович, в гимнастерке с кое-как прицепленными лейтенантскими погонами, обвешенный медалями и орденами, по прежнему имел вид помешанного. Вызывая недоумение не только у собственных подчиненных (старшина и сержант с Найденовым не общались, хотя исправно получали за него офицерский паек), но и у всех тех, кто в «теплушках» коротал время до собственной гибели, Череп начисто забыл о кухне. Вытаскивая из карманов червивые сухари, он запивал их скопившей на брезенте дождевой водой. Ночами Ванька таращился на луну, которая из всех сил неслась за вагонами. Лучшего стража нельзя было и выдумать! Пять дней перестуков, гудков, покачиваний – и экипаж «эксперименталки» донимать перестали. Благодаря солдатскому телефону (не без помощи писарей) разъяснилось; странная троица состоит на особом довольствии и направляется не куда-нибудь, а в *особое* распоряжение. Ко всему прочему, сопровождающий состав майор – «особист», настойчиво посоветовал начальнику эшелона не проявлять любопытства к платформе № 10, из чего простые смертные сделали окончательный вывод – прохиндея-сержанта, алкоголика-старшину и уж тем более такого, во всех отношениях муздака, как их командир, лучше не трогать.

Все, в лучшем случае, смеялись над Ванькой. А ведь Найденев обладал единственным в мире даром!

самых главных своих ролей. Это был достойный ответ немецкому «блиц-кригу». На фронте шириной почти 700 километров против 28 германских дивизий (три армии) были развернуты четыре фронта: 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, 2-ой Белорусский и – 1-й Белорусский – всего 19 армий, которые включали в себя 138 дивизий, 43 танковые бригады, 2,5 миллиона красноармейцев, 31 000 орудий и минометов, 5200 танков и САУ и более 4500 самолетов. Общее командование осуществлял Г.К. Жуков. 22 июня 1944 года (дату наступления выбрали не случайно) вся эта мощь обрушилась на немцев. Через месяц непрерывного (и беспрецедентного!) танкового наступления перестала существовать одна из самых боеспособных немецких группировок – группа армий «Центр». 20 июля «тридцатьчетверки» вышли на рубеж Каунас-Брест. Через неделю танки уже стояли на Висле и у Восточной Пруссии. На севере они прорвались к Балтийскому морю и отрезали группу армий «Север», загнав ее в Курляндский мешок. В ходе битвы погибли: Семь из девяти немецких армейских корпусов. Двадцать восемь из тридцати четырех дивизий (некоторые были полностью истреблены. Такова участь восточнопрусской 206 пехотной дивизии. 12 тысяч человек ее личного состава были объявлены погибшими и пропавшими без вести). Сколько всего немцев пропало в белорусских лесах и болотах до сих пор не знает никто – но счет идет на сотни тысяч. Официально объявлено о потере 350 тысяч солдат и офицеров, из них попали в плен около 150 тысяч. (в плену умерло 75 тысяч человек). Итого – около 275 тысяч погибших немцев. (по другим данным 380 тысяч убитых). Сдались четыре командира корпусов и 13 командиров дивизий – всего 22 генерала. Напомним: колонны пленных провели затем по Москве, кинокадры события показали на весь мир. Прорвавшиеся к своим остатки были полностью небоеспособны. От такого удара Германия оправиться уже не смогла!

Шум «коробок» для танкистов привычен – лязганье траков, скрип башенного поворота, клацанье затвора – особую гамму звучания имеют моторы, в гуле которых ухо опытного механика сразу же ловит признаки машинного нездоровья. Впрочем, танки никогда не жалеют и покидают при первом удобном случае. Лишь Ванька Череп всегда оставался *внутри* до конца, всем своим существом отзываясь на каждый скрип и на каждое клацанье. Лишь Иван Иванович угадывал в привычном гудении двигателя никем не слышимый *голос*. Когда снаряд пробивал борта, «коробки» вопили – он *слышал* их крики. Сгорая, они, как и люди, вертелись на месте, выбрасывали из под себя гусеницы, выли и проклинали судьбу – он *слышал* проклятия. Многие из тех машин, которые Ванька в поисках «Белого Тигра» с такой безоглядной храбростью водил в бой, предчувствовали свой конец. «Тридцатьчетверки» улавливали звук именно той болванки, которая через несколько мгновений должна была разнести в куски их жизнь. Но всякий раз, за секунду до взрыва, Иван Иванович безошибочно распахивал люк – его *предупреждали*! Вот почему так плакал он, прощаясь с каждой убитой машиной.

И сейчас, не обращая внимания на оторопь часовых, Найденев жил с механизмом. Особенно скорбными были вздохи танка, когда навстречу, направляясь к домнам сталелитейных заводов, попадались «черные эшелоны». Посреди ошметков истерзанного железа находились «коробки», которым удалось более-менее уцелеть. Одним разворотило моторные отделения, другие оставили свои башни под Ржевом и Великими Луками, но все остальное в них еще подходило для ремонта. Увозимые на Восток калеки успевали перекинуться с собратьями. Конечно, речь этих грубых заготовок для убийств и разрушений, не шла ни в какое сравнение с человеческой – дребезжание щитков, все те же скрип, гул ветра внутри – но Иван Иванович легко переводил подобное. *Вибрации* — видимо, в них был секрет. Танки обладали чутьем на вибрации – от далекого выстрела, до едва ощутимого сотрясения почвы и воздуха. Возможно, еще до ранения, а, возможно, *именно* после него, проснулось в Черепе это, присущее только «коробкам», чутье, так что в самой бестолковой схватке, где все глохло от рева и грохота, различал он крики «КВ» и «Черчиллей» – тяжеловесы славились густыми, как сирены, голосами. «Тридцатьчетверки», «шерманы» и уже редкие в войсках «Т-70» обладали тонким и нервным тембром. Возможно, оттого, что их было больше, им было присуще определенное чувство локтя. Когда они шли в атаку, то поддерживали и предупреждали друг друга слышимым опять-таки только Иваном Ивановичем дрожанием корпусов. При попадании PzGr 40 крики «Т-34» становились невыносимы.²⁰

²⁰ PzGr 40 – немецкие бронебойные подкалиберные снаряды разных калибров – 37-мм, 50-мм, и 75-мм. Встреча с ними танка часто оказывалась для последнего смертельной. Подкалиберный снаряд имел высокую начальную скорость – он был намного легче бронебойного калиберного. Снаряд отличался высокой прочностью и большой поперечной нагрузкой сердечника диаметром 20-мм. При попадании в броню баллистический сердечник разрушался – почти весь импульс снаряда передавался сердечнику, а поддон сминался и оставался за броней. Имея такой импульс сердечник «проедал» броневую защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.